

ПРОЗА
МАШИ
ТРАУБ

Читайте книги в серии «Проза Маши Трауб»

Любовная аритмия

О чем говорят младенцы

Я никому ничего не должна

Вся la vie

Семейная кухня

Ласточ...ка

Замочная скважина

Не вся la vie

Пьяная стерлядь

Тетя Ася, дядя Вахо и одна свадьба

Руками не трогать

МАША
ТРАУБ
РУКАМИ НЕ ТРОГАТЬ

Москва
2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т65

Художественное оформление серии
С. Груздева

Трауб, Маша.
Т65 Руками не трогать : роман / Маша Трауб. —
Москва : Эксмо, 2015. — 320 с. — (Проза Маши
Трауб).

ISBN 978-5-699-81071-0

Самые интересные и удивительные истории происходят в замкнутом пространстве. Стоит нескольким людям оказаться в одном помещении — и спустя некоторое время начинается фарс, трагедия и неизбежная «комедия положений». И порой не знаешь, то ли плакать от этого, то ли смеяться.

Маша Трауб

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Трауб М., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-81071-0

— *Е*леночка Анатольевна, доброе утро!

— Здравствуйте, Берта Абрамовна.

— Сегодня такой тяжелый день! Вы наверняка слышали, что у меня съемки. Не спала всю ночь — готовилась. И представляете, записалась в салон на укладку, а мастер опоздала! Результат вы видите! Ну как я с такой головой появлюсь в кадре? А потом еще автобус ушел прямо перед носом. Я уверена, совершенно уверена, что водитель это сделал намеренно. Он ведь меня прекрасно видел — и захлопнул двери. Скажите, это такое общее падение нравов или просто такой день?

Берта Абрамовна, главная хранительница, главная музейная звезда, продолжала щебетать про автобус и мастера салона, которая даже не сочла нужным извиниться за опоздание.

Маша Трауб

— И ведь наверняка, я просто уверена, мою фамилию в титрах напишут неправильно! — восклицала она.

Правильное написание фамилии Берты Абрамовны де-Трусси — именно через дефис, «де» с маленькой, «Трусси» с большой — было ее пунктиком, нет, делом чести, а заодно и проверкой на профпригодность. Если человек не мог правильно написать де-Трусси, для главной хранительницы становилось «все понятно и даже очевидно».

— Вы знаете, как пишется Барклай-де-Толли? — строго спрашивала Берта Абрамовна съемочную группу.

Группа испуганно кивала сначала в знак согласия, а потом в знак отказа.

— Хорошо. — Берта Абрамовна делала глубокий вдох, набираясь терпения. — Вы знаете, кто такой Барклай-де-Толли? Нет? Это имя вам ни о чем не говорит? Ну же. Я вам подскажу — князь, фельдмаршал, полководец, война 1812 года... Ну? Нет?

Глаза слушателей становились стеклянными.

— Так вот, господа, Барклай-де-Толли пишется с двумя дефисами, а мое имя — де-Трусси — с одним. Но «де» — непременно со строчной. Вы поняли?

Руками не трогать

— А вы ему родственница? — спросил юноша, который гордо называл себя продюсером. Берта Абрамовна искренне не понимала, в чем заключаются его обязанности.

— Кому? — удивилась главная хранительница.

— Ну, этому Барклаю.

С этого момента для Берты Абрамовны все «стало понятно» про продюсеров, и она начала относиться к юноше с презрением, впрочем, не позволяя себе его выказать очевидно. А полупафос тот все равно не понимал.

Уже полгода Берта Абрамовна считала себя звездой голубого экрана. Она «снималась». У нее каждую неделю были то съемки, то пересъемки, и это было очень утомительно. Ну очень утомительно. Прическа, макияж, осанка, новый костюм — пришлось сменить чуть ли не весь гардероб! И все ради «познавательного», да, именно так — не документального, не научно-популярного, а именно познавательного — фильма, в котором Берта Абрамовна играла главную роль: рассказывала о музейных экспонатах. Целый час съемки ради девяти минут в эфире!

«Девять минут! — восклицала Берта Абрамовна уже про себя. — Как можно ограничиться всего девятью минутами? Что остается от рассказа? Огрызок? Нет. Плевок! И не мне в душу,

Маша Трауб

а в душу зрителя! И меня даже не допускают до обработки материала! Откуда им знать, что важно, а что нет?»

На самом деле тревоги хранительницы были связаны не с тем, дойдет ли ее мысль до телезрителей. «Познавательный» фильм шел по одному из каналов, который транслировался в Интернете. Как такое возможно, Берта Абрамовна понять до конца не могла, как не могла «оценить» аудиторию, для которой «работала». С помощью «дорогой Еленочки Анатольевны», которая «разбиралась в компьютерах», она один раз посмотрела выпуск и осталась очень недовольна. Даже расстроена. Прическа смотрелась ужасно. Костюм сидел еще хуже и явно прибавлял лишние килограммы. Очень неудачный свет. И ракурс. Совсем не ее ракурс! Неужели у нее столько морщин?

— А что значат эти цифры? — спросила главная хранительница Елену Анатольевну, ткнув в экран розовым ногтем — лак был подобран под цвет костюма.

— Это количество просмотров, — объяснила та.

— Пятнадцать? Всего пятнадцать?

— Да, — равнодушно подтвердила Елена Анатольевна.

Руками не трогать

После этого Берта Абрамовна твердо решила отказаться от «дальнейшего сотрудничества». К тому же у нее «накопились претензии» к главному режиссеру передачи, юноше «более чем посредственному». «Юноше» стукнуло сорок, он был лыс и имел внушительный живот. Но для главной хранительницы все мужчины, которые не могли правильно написать ее фамилию и явно имели пробелы в образовании, оставались юношами. С одной стороны, так она обозначала инфантильность, недостаток знаний и узость кругозора, с другой — давала им шанс вырасти до «мужчины». Так вот, режиссер хотел, чтобы Берта Абрамовна рассказывала «интересные истории».

— Вы понимаете, Еленочка Анатольевна, он ждет от меня скабрзностей! Именно скабрзностей! Ему совершенно неинтересно творчество!

Но режиссер, которому хранительница объясняла, почему не может сниматься и потакать «диким требованиям», прервал ее на полуслове, сказав, что в следующий раз приедет со стилистом. Берта Абрамовна ахнула и согласилась. Теперь главная хранительница имела возможность «менять наряды», которые привозила девушка-стилист, и почти — ну почти — добилась, чтобы ее фамилия писалась правильно. Долго-

Маша Трауб

жданый дефис после «де» наконец появился. Правда, «де» все-таки написали с заглавной.

А у Еленочки Анатольевны, младшего научного сотрудника музея, появилась еще одна обязанность — устраивать Берте Абрамовне просмотры вышедших выпусков на компьютере и «высказывать мнение». Впрочем, Еленочка Анатольевна давно знала свою начальницу, поэтому мнение держала при себе.

— У вас прекрасная спина. Как у балерины, — говорила она приблизительно на пятой минуте просмотра, зная, что спина — сомкнутые лопатки — гордость главной хранительницы. И та благосклонно кивала, но тут же спохватывалась:

— О чем вы говорите, Еленочка Анатольевна? При чем тут моя спина? Я прекрасно все знаю про свою спину! Вот вы мне скажите, как можно было... э-э-э, как они говорят, «вырезать», да вырезать имя композитора? О ком я рассказываю? Нет, это невозможно! Просто невозможно! Вырезать Фредерика Шопена! Они оставили только то, что я рассказывала про Жорж Санд! Поверьте мне, я не иду у них на поводу! Ни в коей мере! Не могла же я не упомянуть о ней! Да, один раз я назвала ее любовницей, но всего один раз! И именно этот кусок они оставили! Нет, я все-таки откажусь от сотрудничества! Они меня вынудят пойти на это! Еленочка Анатольевна, вы

Руками не трогать

меня слушаете? Что у вас с лицом? Вы сегодня не в духе? Плохо себя чувствуете? Я говорила, что ваша привычка одеваться не по сезону — блажь и безответственность. Да, именно безответственность по отношению к собственному организму! Вот, вы заболели! И пришли на работу в таком состоянии! А у меня съемки! Я никак не могу болеть! Дорогая Еленочка Анатольевна, если вы сами не понимаете, что ваше состояние опасно для других сотрудников, то я считаю своим долгом вам об этом сказать. Да, без всяких намеков. Идите домой и примите меры. Если вам на свое здоровье наплевать, то подумайте об окружающих! Все, домой немедленно!

Берта Абрамовна полезла открывать окно, поскольку верила в то, что свежий воздух, желейно морозный, убивает микробов. Главная хранительница устраивала «пятиминутки здоровья», каждый час открывая настежь все фрамуги. Именно от этих пятиминуток Елена Анатольевна, по натуре мерзлявая, и простыла, а вовсе не потому, что «одевалась не по сезону». Напротив, она даже вынуждена была принести на работу пуховый платок и шерстяные носки. И уж конечно, она не могла сказать главной хранительнице, что и без регулярных проветриваний в кабинетах гуляет сквозняк, поскольку окна — старые, давно разошедшиеся и их надо

Маша Трауб

заклеивать на зиму. Берта Абрамовна заклеивать окна отказывалась категорически, так что, сидя на рабочем месте, Елена Анатольевна в полной мере ощущала, как сифонит от окна. Если же окно было открыто в соседнем кабинете, то появлялся еще один источник — начинало дуть из-под двери по ногам. И она, как ни пристраивалась, как ни отодвигала стул и стол, все равно оказывалась на перекрестке сквозняков. Берта Абрамовна же всегда определяла атмосферу в кабинете двумя наречиями — «душно» или «невыносимо душно».

Когда Берта Абрамовна убегала по своим делам, коих было много, «так много, что голова кругом», Елена Анатольевна куталась в платок и надевала носки. На ее лице появлялось выражение полного блаженства, которое, впрочем, длилось недолго: главная хранительница, несмотря на возраст — в прошлом году ей исполнилось семьдесят пять, — обладала завидной прытью, удивительной скоростью передвижения по музею и способностью появляться как черт из табакерки. Прямо перед носом. Елена Анатольевна даже думала, что Берта Абрамовна вовсе не живой человек, а привидение. Или неугомонная душа, которая обладает способностью к материализации. Ну или, в крайнем случае, хранительница секрета вечной молодости.

Руками не трогать

сти и активности. Берта Абрамовна на работе совершенно не признавала никаких тапочек, платков, носков и джинсов. Для сотрудниц музея существовал негласный дресс-код, который подразумевал юбку ниже колена и блузку. Были допустимы кардиганы и пиджаки. Единственным украшением, с точки зрения хранительницы, мог быть шейный платок или брошь. Шпильки, танкетки, сабо, ажурные колготки, леггинсы, свитера крупной вязки, а также бижутерию она считала не просто моветоном, а вызывающей пошлостью.

— Если у вас нет настоящего жемчуга, не унижайте себя подделкой, — сказала она однажды Елене Анатольевне, увидев сережки, которые той очень нравились. Причем подделку Берта Абрамовна различала даже не с двух шагов, а еще находясь за дверями кабинета. Так, благодаря главной хранительнице Елена Анатольевна узнала, что колечко, которое подарил ей Гера и которое она считала золотым и очень дорогим, оказалось позолоченным.

— Если мужчина считает для себя позволенным делать такие подарки, найдите себе другого. И побыстрее, — посоветовала Берта Абрамовна. — Он обманет вас раньше, чем вы думаете. И окажется такой же фальшивкой, как это кольцо.

Маша Трауб

Елена Анатольевна часто сидела за своим столом, уставившись на чистый лист бумаги, представляя себе, кем на самом деле может быть главная хранительница и откуда она черпает силы. Ведь не может обычный человек находиться в двух местах одновременно. Она ни разу не видела, чтобы Берта Абрамовна обедала или завтракала. При этом, во сколько бы Елена Анатольевна ни пришла на работу и как бы поздно ни засиживалась, главная хранительница была на своем посту. Могло показаться, что Берта Абрамовна вообще не ест и не спит. И эта ее способность — оказываться за спиной, слышать сквозь стены... Елена Анатольевна побаивалась начальницу. Да что там побаивалась — боялась.

Впрочем, она часто думала о том, что мало имело отношения к действительности, к реальной жизни. Иногда она представляла себе, что тоже не живая, а, например, мумия, которая лежит и наблюдает за происходящим из своего саркофага и видит Берту Абрамовну как бы со стороны. Елена Анатольевна могла провести целый день в мыслях о том, была ли у Шопена шизофрения, а если была, то что он чувствовал. И почему главная хранительница не разрешила повесить в главном зале портрет Шаляпина, сказав, что в музее «безумия предостаточно»? Что

Руками не трогать

это значит? Елену Анатольевну два дня не покидала эта мысль.

Эта способность — часто уходить в себя — совсем ей не мешала. Напротив, придавала ее лицу особенную одухотворенность, нездешность, аморфность и «легкий налет идиотизма», как говорила Берта Абрамовна, правда, незлобиво. В это выражение лица, эти затуманенные глаза, чуть приоткрытый рот и легкую сутулость когда-то влюбился первый, и единственный, мужчина в жизни Елены Анатольевны — Гера. Хотя Елене Анатольевне больше нравилось его полное имя — Герман. Мужественное, решительное, харизматичное имя. Они не были женаты официально, Гера и не предлагал, но Елена Анатольевна всегда считала его мужем. Пусть гражданским, но все-таки мужем. И всегда говорила, что да, была замужем. Долго. Целый год. Этот год был для нее всем — и прошлым, и настоящим, и будущим. Этим годом она жила в своих мечтах, это время бережно хранила в памяти, правда, искромсав на кадры, как пленку. Она сохранила то, что хотела, и выбросила то, что причиняло ей боль. Например, последний месяц совместной жизни с Герой, когда он приходил поздно, как правило, нетрезвый, ложился спать, а утром поспешно уходил, как будто сбегал от нее. Елена собиралась с ним поговорить, но никак не мог-